



EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БЫКОВЦЕВ И ПРАЧЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(жалобы №№ 27728/08 и 44353/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 мая 2019 года

Данное постановление вступило в силу, но может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Быковцев и Прачев против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Алина Полачкова, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Йолин Схёккинг, *судьи*,

и Фатош Араци, *Заместитель Секретаря секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 30 апреля 2019 г.,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании двух жалоб (№№ 27728/08 и 44353/08), поданных в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами Российской Федерации, Быковцевым Валерием Геннадьевичем (далее — «первый заявитель») и Прачевым Сергеем Дмитриевичем (далее — «второй заявитель») 11 апреля и 23 августа 2008 г. соответственно.

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена юридическая помощь, изначально представляли А.В. Соколенко (первого заявителя) и Е.М. Чернушкин (второго заявителя), а позднее — А. Бузунов (обоих заявителей), адвокаты, практикующие в г. Воронеже. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем — его преемник М. Гальперин.

3. 10 июня 2015 г. уведомление о жалобах заявителей на предполагаемые пытки во время содержания под стражей в милиции, непроведение властями эффективного расследования по их жалобам и на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в этом отношении, на длительность предварительного заключения заявителей, а также о жалобе первого заявителя на его одиночное заключение, судебный пересмотр законности его предварительного заключения и на его перевод в отдаленное исправительное учреждение для отбывания наказания в виде лишения свободы было направлено властям, а остальные жалобы были признаны неприемлемыми в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Первый заявитель, 1966 г. рождения, в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии ИК-8 в Хабаровском крае. Второй заявитель, 1967 г. рождения, в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии ИК-10 в Свердловской области.

А. Задержание заявителей и предполагаемое жестокое обращение

5. Заявители были задержаны в 6 (первый заявитель) и 7 часов утра (второй заявитель) 19 марта 2007 г. по подозрению в совершении убийства и доставлены в Управление по борьбе с организованной преступностью при ГУВД Воронежской области, (далее — «УБОП»). Протоколы их задержания были составлены в 8:40 и 9:00 утра соответственно.

6. По словам заявителей, С., Г. и другие сотрудники милиции из УБОП (по словам второго заявителя, в присутствии следователя М.) подвергали их насилию в различных кабинетах здания УБОП с тем, чтобы заставить их признаться в совершении различных преступлений. Заявители рассказали, что их били током при помощи проводов, прикрепленных к различным частям их тел, включая уши и гениталии, и при этом им на головы надевали противогазы, а руки сковывали за спиной, и несколько полицейских прижимали их к полу, чтобы не позволить им сбросить провода. Сотрудники милиции надели на них наручники. Первый заявитель также описал, как его били кулаками и ногами. Заявители не дали никаких признательных показаний.

7. В 22:00 заявителей доставили в изолятор временного содержания ГУВД по Воронежской области (далее — «ИВС»).

8. Дежурный сотрудник ИВС в присутствии сотрудника милиции С. зафиксировал у первого заявителя следующие телесные повреждения: синяки на переносице, под глазами, на левой лопатке, правом плече и животе, ссадины на запястьях и ссадину и синяк на ягодицах. Была вызвана скорая помощь. Фельдшер скорой помощи зарегистрировал ссадины и кровоподтеки на правом запястье заявителя и направил заявителя в больницу скорой помощи, где ему был поставлен диагноз ушиб мягких тканей правого запястья. Было отмечено, что у него имелись ссадины и синяки на правом запястье, которое было распухшим и горячим.

9. 22 марта 2007 г. первый заявитель был переведен в следственный изолятор СИЗО-1 г. Воронежа, где у него были зафиксированы следующие травмы: кровоподтеки на обоих предплечьях, ссадины на

обоих запястьях и небольшие ссадины под кожей на левом запястье, правом бедре и голени. Согласно информации СИЗО-1, у второго заявителя не было видимых телесных повреждений при поступлении 23 марта 2007 г.

10. 23 марта 2007 г. следователь прокуратуры Воронежской области назначил проведение судебно-медицинского освидетельствования заявителей с целью установления телесных повреждений, заявив, что заявители были задержаны 19 марта 2007 г., и поставил перед экспертами вопрос, могли ли телесные повреждения, если таковые имелись, быть причинены ими самими или быть следствием падения.

11. В тот же день второй заявитель прошел освидетельствование в Воронежском областном бюро судебно-медицинской экспертизы. Эксперт Ш. зафиксировал следующие телесные повреждения: кровоподтеки вокруг каждого лучезапястного сустава размером от 1,3 до 0,4-0,5 сантиметра; кровоподтек на правой голени размером от 3,5 до 2,5 сантиметров; ссадину на левом предплечье размером 2,2 см с неровными краями и твердой красновато-коричневой поверхностью на коже; и небольшие ссадины на каждом запястье размером от 0,2 до 0,4 сантиметра и на левой голени размером от 0,3 до 0,7 сантиметра неправильной овальной формы с неровными краями и твердой красноватой поверхностью на коже и под ней.

12. Эксперт пришел к выводу, что «телесные повреждения были нанесены твердым тупым предметом, что подтверждается кровоподтеками и ссадинами», не ранее, чем за три-пять дней до освидетельствования (три дня в отношении травм на лучезапястных суставах); маловероятно, что они могли возникнуть в результате падения, и что они были нанесены заявителем самостоятельно.

13. Согласно заключению эксперта от 23 марта 2007 г., освидетельствование второго заявителя было проведено в присутствии сотрудника милиции С., и заявитель утверждал, что сотрудники милиции не причинили ему никаких телесных повреждений. По словам второго заявителя, его освидетельствование проводилось в присутствии С. и других сотрудников милиции, которые подвергли его насилию, и он опасался за свою безопасность; он не мог полностью раздеться для освидетельствования; и эксперт не задавал ему никаких вопросов.

14. 27 марта 2007 г. первый заявитель был осмотрен в Воронежском областном бюро судебно-медицинской экспертизы тем же экспертом, который зафиксировал у него следующие телесные повреждения: рану на правом лучезапястном суставе размером от 1,4 до 0,4 сантиметра, неправильной овальной формы, с неровными краями и закругленными концами, под плотной коричневатой коркой, поднимающейся над уровнем кожи; ссадину на левом запястье размером от 1,4 до 0,8

сантиметра, неправильной овальной формы, под твердыми коричневатými струпьями, местами полностью отваливающимися; продолговатые ссадины на запястьях под твердыми коричневатými струпьями, местами полностью отваливающимися, размером от 3,5 до 0,4 сантиметра (на передней стороне правого лучезапястного сустава), от 5,5 до 0,4 сантиметра (на задней стороне правого лучезапястного сустава) и от 3,7 до 0,4 сантиметра (на задней стороне левого лучезапястного сустава).

15. Эксперт пришел к выводу, что телесные повреждения были нанесены твердым тупым предметом, что подтверждается их характером, незадолго до освидетельствования, возможно, во время, указанное в постановлении следователя о назначении экспертизы. Эксперт исключил падение как причину возникновения травм, хотя не исключил членовредительства.

16. Согласно заключению эксперта от 27 марта 2007 г., первый заявитель был осмотрен в присутствии сотрудника милиции С., и заявитель сообщил, что 19 марта 2007 г. после его задержания сотрудники милиции били его кулаками в область живота и рук, надели на него наручники и пытали его электрическим током.

17. На основании постановления следователя от 30 марта 2007 г. эксперт Ш. выдала дополнительное заключение от 26 апреля 2007 г., подготовленное без осмотра первого заявителя, в котором она указала, что травмы на запястьях первого заявителя могли быть причинены наручниками с дальнейшим сдавливанием, примерно за 7-11 дней до осмотра заявителя 27 марта 2007 г.

18. 24 февраля 2011 г. был подготовлен новое заключение судебно-медицинской экспертизы на основании двух предыдущих заключений и медицинских карт первого заявителя из ИВС и СИЗО-1. Эксперт пришел к выводу, что травмы запястий первого заявителя могли быть нанесены 19 марта 2007 г. Нельзя также исключать возможность их причинения 16-18 марта 2007 г. Отсутствие подробностей в описании телесных повреждений, зарегистрированных в ИВС, не позволило установить время их причинения. Что касается телесных повреждений, зарегистрированных в СИЗО-1, то они могли быть нанесены 19 марта 2007 г. и весьма маловероятно — до этой даты. Травмы были нанесены твердым тупым предметом. У эксперта не было возможности дать заключение о том, могли ли травмы быть причинены электрическим током. Заявитель получил по меньшей мере одно травмирующее воздействие на его лицо и не менее трех травмирующих воздействий на туловище. Эксперт затруднился определить количество травмирующих воздействий на верхние и нижние конечности заявителя ввиду множественности телесных повреждений. Травмы были расположены в пределах досягаемости руки первого заявителя (за исключением синяка на левой лопатке) и, следовательно, могли

быть нанесены им самим. Они не могли возникнуть в результате падения.

Б. Доследственная проверка по заявлению о предполагаемом жестоком обращении с заявителями

1. Первый заявитель

19. 25 и 30 марта 2007 г. первый заявитель обратился в прокуратуру Воронежской области с жалобами на насилие, которому он предположительно подвергся со стороны сотрудников УБОПа. 9 апреля 2007 г. его жалоба поступила в прокуратуру Ленинского района г. Воронежа. Его жена обратилась в УВД по Воронежской области, прокуратуру Воронежской области и в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с аналогичными жалобами.

20. По факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем уголовное дело возбуждено не было. Следователи из Ленинской районной прокуратуры г. Воронежа, а затем из отдела следственного комитета по Ленинскому району г. Воронежа провели доследственные проверки и в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «УПК РФ») вынесли семь постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях сотрудников милиции С. и Г. состава преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 286 (превышение должностных полномочий с применением насилия) и статьей 302 (принуждение к даче показаний) Уголовного кодекса Российской Федерации. Все отказы были отменены вышестоящими следователями, потому что они были основаны на неполных проверках, и были назначены дополнительные проверки:

- отказ от 20 апреля 2007 г., отменен 19 сентября 2007 г.;
- отказ от 29 сентября 2007 г., отменен 2 октября 2007 г.;
- отказ от 12 октября 2007 г., отменен 28 ноября 2007 г.;
- отказ от 10 декабря 2007 г., отменен 15 января 2008 г.;
- отказ от 25 января 2008 г., отменен 11 февраля 2011 г.;
- отказ от 24 февраля 2011 г., отменен 15 апреля 2011 г.;
- отказ от 28 апреля 2011 г., отменен 6 июля 2011 г.; и
- отказ от 8 июля 2011 г. (на том основании, что телесные повреждения могли быть причинены до задержания первого заявителя, и что у заявителя не было телесных повреждений, которые могли быть причинены электрическим током) отменен 28 августа 2015 г. (поскольку следователь в частности не смог установить личности всех сотрудников милиции, которые предположительно подвергли заявителя жестокому обращению).

21. В ходе доследственных проверок следователями были получены следующие объяснения. Свидетель Б. заявил, что видел, как в здании УБОП первому заявителю был нанесен удар «в область ребер», и что слышал, как первый заявитель кричал в одном из кабинетов УБОП. По словам жены первого заявителя, которая была свидетелем задержания заявителя в их доме, у первого заявителя не было никаких телесных повреждений до его задержания, и у него появились телесные повреждения (он хромал и у него был синяк под правым глазом, ссадина на переносице и распухшие руки) на следующий день, когда она увидела его на судебном заседании по вопросу о его предварительном заключении. Сотрудники милиции С. и Г. заявили, что после задержания заявителя они доставили его в здание УБОП, где следователь М. составил протокол его задержания. Они доставили первого заявителя в ИВС. В ИВС первый заявитель пожаловался на то, что наручники (использованные при его доставлении ИВС) натерли ему руки, и они доставили его в больницу скорой помощи, где врач продезинфицировал царапину на запястье. Они, как и следователь М., отрицали факт жестокого обращения с первым заявителем.

22. Жалобы, поданные первым заявителем на основании статьи 125 УПК РФ на отказы в возбуждении уголовного дела от 20 апреля 2007 г., 12 октября 2007 г., 10 декабря 2007 г., 24 февраля 2011 г., 28 апреля 2011 г. и 8 июля 2011 г. не были рассмотрены Ленинским районным судом г. Воронежа на том основании, что оспариваемые решения были отменены следственными органами (после подачи жалоб в суд). Жалоба заявителя на отказ в возбуждении уголовного дела от 25 января 2008 г. была рассмотрена и отклонена на том основании, что отказ был обоснованным и законным (решение районного суда от 18 марта 2008 г., оставленное без изменений Воронежским областным судом 15 мая 2008 г.).

2. Второй заявитель

23. 14 августа 2007 г. второй заявитель обратился в Воронежскую областную прокуратуру с жалобой на предполагаемое жестокое обращение со стороны сотрудников УБОПа. Описывая пытки электрическим током, он, в частности, отметил, что для того, чтобы прикрепить провода к его телу, сотрудники поместили их под противогаз, под резинку носков и привязали их к половому члену. По факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем уголовное дело возбуждено не было. Следователи из Ленинской районной прокуратуры г. Воронежа, а затем из отдела следственного комитета по Ленинскому району г. Воронежа вынесли четыре постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях сотрудников милиции С. и Г. и следователя М. состава преступления, предусмотренного статьей 286 (превышение

должностных полномочий) Уголовного кодекса Российской Федерации. Все отказы были отменены вышестоящими следователями, потому что они были основаны на неполных проверках, и были назначены дополнительные проверки:

- отказ от 1 октября 2007 г., отменен 24 октября 2007 г.;
- отказ от 6 ноября 2007 г., отменен 16 ноября 2007 г.;
- отказ от 26 ноября 2007 г., отменен 27 ноября 2007 г.; и
- отказ от 7 декабря 2007 г., отменен 28 августа 2015 г. (в частности, на том основании, что информация об отсутствии телесных повреждений у второго заявителя по прибытии в СИЗО-1 23 марта 2007 г. не была подтверждена медицинскими и другими соответствующими документами).

24. Отказы в возбуждении уголовного дела были основаны на объяснениях сотрудников милиции С. и Г. и следователя М., отрицавших факт жестокого обращения со вторым заявителем, и на объяснениях, предположительно полученных по телефону от эксперта Ш. о том что телесные повреждения второго заявителя не могли быть причинены электрическим током. Следственные органы пришли к выводу, что утверждения второго заявителя являются необоснованными.

25. 14 февраля 2008 г. районный суд отклонил жалобу второго заявителя на решение от 7 декабря 2007 г. на основании статьи 125 УПК РФ. 1 апреля 2008 г. Воронежский областной суд оставил постановление районного суда без изменений.

В. Предварительное заключение заявителей

1. Содержание под стражей на период расследования

26. 20 марта 2007 г. Ленинский районный суд г. Воронежа в ходе различных разбирательств рассмотрел ходатайство следователя о заключении заявителей под стражу на основании тяжести преступления, в совершении которого они подозревались (убийство), и вытекающих из этого рисков их побега, повторного совершения преступления, запугивания свидетелей, потерпевших и других участников разбирательства, уничтожения доказательств и прочего воспрепятствования уголовному производству. Заявители и их адвокаты возражали, ссылаясь на наличие постоянного места жительства у заявителей, гипотетический характер аргументов следователя и, в случае первого заявителя, на его трудоустройство и семейные связи. Суд постановил заключить заявителей под стражу, будучи убежденным, что в случае освобождения заявители, подозреваемые в совершении особо тяжкого преступления, наказуемого длительными сроками лишения свободы, могут

совершить повторное преступление, оказать давление на своих потенциальных сообщников и скрыться от правосудия.

27. 28 марта 2007 г. заявителям было предъявлено обвинение в грабеже, совершенном в сентябре 2001 года, и в краже. Они также подозревались в совершении ряда других грабежей и краж в составе организованной группы. Следователь привел причины для продления срока содержания заявителей под стражей, аналогичные тем, которые были указаны в его первоначальном ходатайстве. В своих постановлениях от 17 мая 2007 г. (в отношении обоих заявителей, оставленном без изменений в порядке апелляционного производства Воронежским областным судом 5 июня 2007 г.), 8 июня 2007 г. (в отношении второго заявителя, оставленном без изменений в порядке апелляционного производства 3 июля 2007 г.), 9 июня 2007 г. (в отношении первого заявителя, оставленном без изменений в порядке апелляционного производства 26 июня 2007 г.) и 6 сентября и 12 декабря 2007 г. (в отношении второго заявителя, оставленном без изменений в порядке апелляционного производства 17 января 2008 г.) районный суд, заслушав заявителей и их адвокатов, которые повторили свои возражения, удовлетворил ходатайства следователя и продлил срок содержания заявителей под стражей, указав, что они обвиняются в совершении тяжких преступлений, и основания для первоначального постановления суда о заключении заявителей под стражу не изменились.

28. По сути, та же мотивировка содержится в постановлении суда от 14 сентября 2007 г. (в отношении первого заявителя), которое было вынесено в присутствии следователя и прокурора и в отсутствие первого заявителя из-за «состояния его здоровья». В своей жалобе на это постановление адвокат первого заявителя заявил, что 14 сентября 2007 г. первый заявитель был доставлен на слушание из следственного изолятора, ему стало плохо в здании суда, и была вызвана скорая помощь. Согласно записям скорой помощи, у заявителя были боли в животе, было диагностировано обострение язвы, и была оказана медицинская помощь. Он попросил госпитализировать его, но ему было в этом отказано. По словам адвоката, в госпитализации отказал следователь, который распорядился вернуть заявителя в следственный изолятор. Несмотря на возражения адвоката против проведения слушания в отсутствие заявителя, суд решил продолжить слушание. Адвокат предположительно покинул зал суда в знак протеста.

29. 11 октября 2007 г. областной суд, заслушав адвоката заявителя и прокурора, оставил в силе постановление от 14 сентября 2007 г., постановив, что районный суд принял во внимание тяжесть вменяемых заявителю преступлений, особенности его характера и отсутствие оснований для изменения меры пресечения. Он отметил, что, согласно

протоколу заседания районного суда, адвокат заявителя присутствовал на этом слушании.

30. 12 декабря 2007 г. районный суд, заслушав заявителей и их адвокатов, продлил срок содержания заявителей под стражей до 16 марта 2008 г. Помимо тяжести преступлений и предполагаемых рисков того, что заявители могут скрыться, совершить повторные преступления и оказать давление потерпевших и свидетелей, он отметил, что следователь должен завершить важные следственные действия, такие как дополнительные допросы жертв, психологические экспертизы обвиняемых и предъявление заявителям и их сообвиняемым окончательных обвинений. 17 января 2008 г. областной суд в порядке апелляционного производства оставил это постановление без изменений.

31. В своих постановлениях о продлении срока содержания заявителей под стражей от 6 марта (в отношении обоих заявителей), 17 марта 2008 г. (в отношении первого заявителя, оставлено без изменений Верховным Судом РФ 20 мая 2008 г.) и 18 марта 2008 г. (в отношении второго заявителя, оставлено без изменений в порядке апелляционного производства 20 мая 2008 г.) Воронежский областной суд ссылаясь на тяжесть множества преступлений, в которых обвинялись заявители (включая бандитизм, согласно окончательным обвинениям), риск повторного совершения преступления и на необходимость завершения следственных действий с участием 36 потерпевших и восьми обвиняемых и их адвокатов. Он также принял к сведению жалобы сообвиняемых заявителей В.З. и А.С. о том, что первый заявитель предположительно угрожал им физической расправой. В своей апелляционной жалобе на эти постановления адвокат первого заявителя отметил, что жалобы В.З. и А.С. не были зачитаны и рассмотрены в ходе слушаний, что они представляются бессмысленными ввиду того факта, что В.З. и А.С. сами содержались под стражей в ожидании суда, и что первый заявитель подал в полицию встречную жалобу на то, что они оклеветали его. По словам первого заявителя, В.З. и А.С. не обосновали свои жалобы в ходе соответствующей проверки. Оставляя в силе постановления областного суда, Верховный Суд не учел доводы, касающиеся жалоб В.З. и А.С. Областной суд также вынес постановления о продлении срока содержания под стражей, аналогичные предыдущим постановлениям, 11 июня 2008 г. (в отношении первого заявителя, оставлено без изменений Верховным Судом Российской Федерации 11 сентября 2008 г.) и 16 июня 2008 г. (в отношении второго заявителя).

2. Содержание под стражей в ожидании суда

32. 16 сентября 2008 г. областной суд провел предварительное слушание по делу в отношении заявителей и других лиц. В

коллективном решении суд постановил, что заявители и другие подсудимые должны оставаться под стражей по окончании судебного разбирательства, указав в целом, что у него нет оснований полагать, что предыдущие основания для их содержания под стражей более не существуют или что изменение меры пресечения является оправданным. 27 января 2009 г. Верховный Суд оставил постановление от 16 сентября 2008 г. без изменений. Он по сути сослался на те же причины для продления срока содержания заявителей под стражей, что приводились в постановлении областного суда от 25 февраля 2009 г., оставленном без изменений 10 июня 2009 г. Верховным Судом, который, не сообщив каких-либо подробностей, отметил, что некоторые потерпевшие по этому делу выразили опасения за их безопасность и по поводу того, что некоторые подсудимые злоупотребляют своими правами, затягивая разбирательство.

33. Срок содержания заявителей под стражей был продлен на время судебного разбирательства по тем же причинам, что приводились в постановлениях областного суда от 22 мая 2009 г., 25 августа 2009 г., 23 ноября 2009 г. (оставлено без изменений Верховным Судом 25 февраля 2010 г.) и 19 февраля 2010 г. (оставлено без изменений 27 июля 2010 г.). Мотивировка в этих коллективных постановлениях, касающихся нескольких подсудимых, включала (без указания, кого именно из подсудимых оно касается) ссылку на потерпевших Х., С. и З., которые возражали против освобождения подсудимых, поскольку они опасались за свою безопасность и безопасность их семей (Власти также сослались на потерпевших А.Г., В.Г. и М.; первый заявитель отметил, что эти потерпевшие, не упомянутые в постановлениях судов, признали в ходе судебного разбирательства, что на самом деле они не получали от подсудимых каких-либо угроз), предыдущую судимость первого заявителя, злоупотребление подсудимыми своими правами путем подачи множества ходатайств, большинство из которых было отклонено, и, как следствие, затягивания разбирательства, и на риск того, что подсудимые окажут давление на присяжных заседателей. Было отмечено, что опознание в ходе предварительного следствия проводилось таким образом, что обвиняемые были лишены возможности видеть некоторых потерпевших в целях обеспечения безопасности последних. По словам первого заявителя, не было доказано, что потерпевшие просили об этом. Областной суд также сослался на предполагаемое давление, оказанное первым заявителем на обвиняемого и свидетелей посредством передачи им письменных указаний о том, какие показания следует дать в ходе судебного разбирательства. Первый заявитель оспорил эти утверждения и попросил провести экспертизу с тем, чтобы установить, действительно ли он написал эти указания, но его ходатайство было отклонено.

Г. Суд над заявителями

34. Дело заявителей рассматривалось судом присяжных. На предварительном слушании Воронежский областной суд отклонил жалобы заявителей и их сообвиняемых на то, что они подверглись насилию со стороны сотрудников УБОП. Суд первой инстанции также заслушал свидетеля Р.Д., который указал, что сотрудники милиции С. и Г. подвергали его насилию, включая удары электрическим током, в присутствии следователя М. Свидетель Б. заявил, что он был доставлен в один из кабинетов УБОП, в котором первый заявитель лежал на полу лицом вниз. Сотрудники милиции пригрозили Б. сделать то же самое с его сыном (сообвиняемый заявителей), если Б. не даст нужные им письменные показания. Б. видел, что они надели на первого заявителя наручники. Согласно письменным показаниям одного из соподсудимых заявителей, В.З., от 8 апреля 2008 г. и лица, содержавшегося в СИЗО-1, В.А.З., от 7 апреля 2008 г. (представлены в Европейский Суд вторым заявителем), в 2007 году В.З. и В.А.З. предположительно подвергались насилию со стороны сотрудников УБОП, включая удары электрическим током.

35. После вынесения вердикта присяжных от 1 декабря 2010 г. областной суд в приговоре от 29 декабря 2010 г. признал заявителей виновными в бандитизме (статья 209 Уголовного кодекса), нескольких эпизодах в кражи и грабежа, убийстве и незаконном использовании оружия и приговорил первого заявителя к двадцати четырем годам лишения свободы и штрафу, а второго заявителя — к двадцати двум годам лишения свободы и штрафу.

36. 23 августа 2011 г. Верховный суд РФ отменил приговор в отношении первого заявителя и направил его дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции с момента вынесения вердикта присяжными, продлив срок его содержания под стражей до 23 ноября 2011 г. В отношении второго заявителя он оставил приговор без изменений.

37. 17 октября 2011 г. областной суд признал первого заявителя виновным в бандитизме (статья 209 Уголовного кодекса Российской Федерации), нескольких эпизодах кражи и грабежа, убийстве и незаконном использовании оружия и приговорил его к двадцати пяти годам лишения свободы и штрафу. 29 марта 2012 г. Верховный Суд изменил постановление от 17 октября 2011 г., в частности, сократив наказание первого заявителя до двадцати четырех лет лишения свободы и штрафа, а в остальной части оставил приговор без изменений.

Е. Одинокое заключение первого заявителя

38. Согласно представленной властями справке от 27 августа 2015 г., выданной СИЗО-3 Воронежской области Федеральной службы исполнения наказаний (далее — «ФСИН России»), первый заявитель содержался в одиночной камере № 26 в СИЗО-3 с 20 мая 2009 г. по 29 ноября 2010 г., и в одиночной камере № 3 — с 29 ноября 2010 г. по 20 мая 2012 г. Содержание первого заявителя под стражей в СИЗО-3 Воронежской области с 20 мая 2009 г. по 20 мая 2012 г. также подтверждается справкой от 28 августа 2015 г., выданной медико-санитарной частью № 10 медико-санитарного отдела №36 ФСИН России.

39. Согласно представленной властями справке, выданной СИЗО-3 8 сентября 2015 г., и журналам «индивидуальных консультаций и психокоррекционной работы», первый заявитель прошел такие консультации в следующие дни: 16 июня 2009 г.; 28 апреля и 2 и 9 декабря 2010 г.; 4 февраля, 11 марта, 21 апреля, 29 сентября и 23 декабря 2011 г.; и 29 марта и 5 мая 2012 г. По словам первого заявителя, он не проходил эти консультации. В некоторые даты, указанные в представленных властями записях, он участвовал в судебных слушаниях по делу в его отношении или знакомился с материалами дела в здании суда, а в некоторых записях камера № 28 указана как место его содержания под стражей, хотя его там никогда не содержали.

40. Согласно справке от 14 октября 2015 г., выданной медико-санитарной частью № 5 медико-санитарного отдела № 27 ИК-8 (Хабаровский край) адвокату заявителя, первый заявитель не был осмотрен на предмет возможности для его одиночного заключения.

41. Первый заявитель имел свидания с родственниками в следующие даты: 21 августа, 11 и 25 сентября и 6 ноября 2009 г.; 15 января, 5 февраля, 19 марта, 16 апреля, 7 мая, 4 июня, 9 июля, 16 августа, 14 сентября, 17 ноября и 3 и 28 декабря 2010 г.; 31 января, 21 марта, 20 апреля, 16 мая, 11 октября, 8 ноября и 16 декабря 2011 г.; и 11 января и 16 мая 2012 г.

Е. Место отбывания наказания первым заявителем

42. 15 июня 2011 г. заместитель начальника Воронежского областного управления ФСИН России подготовил отчет с целью определения дальнейшего места содержания первого заявителя под стражей. Он заявил, что во время его содержания под стражей в СИЗО-3 г. Воронежа первый заявитель не совершал дисциплинарных правонарушений, не вступал в конфликты с администрацией следственного изолятора и был вежливым и тактичным. Тем не менее,

он проявил себя как приверженец воровских обычаев. Этот отчет был утвержден начальником оперативного управления ФСИН России по Воронежской области и руководителем ФСИН России по Воронежской области.

43. 30 июня 2011 г. директор ФСИН России определил, что первый заявитель должен отбывать срок наказания в Хабаровском крае.

44. 19 марта 2012 г. первый заявитель обратился к директору ФСИН России с ходатайством о разрешении отбывания наказания в Воронежской области, где проживала его семья. 27 апреля 2012 г. заявителю было отказано в удовлетворении его ходатайства согласно части 4 статьи 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

45. В июле 2012 г. первый заявитель прибыл в исправительное учреждение ИК-8, расположенное в Хабаровском крае.

46. 13 июля 2012 г. Советский районный суд г. Воронежа отказал в удовлетворении апелляционной жалобы матери заявителя на решение ФСИН России на основании части 4 статьи 73 Уголовно-исполнительного кодекса.

47. 7 ноября 2012 г. Коминтерновский районный суд г. Воронежа отказал в удовлетворении аналогичной апелляционной жалобы жены заявителя на том же основании.

48. 11 января 2013 г. первый заявитель вновь обратился в ФСИН России с ходатайством о переводе в Воронежскую область для отбытия наказания. 25 февраля 2013 г. в удовлетворении его ходатайства было отказано. В апреле 2013 г. первый заявитель обжаловал решение ФСИН России об отказе в Замоскворецкий районный суд г. Москвы. Он в частности утверждал, что вследствие его перевода в отдаленное исправительное учреждение он лишен возможности видеться с женой, двумя детьми и престарелой матерью-инвалидом. 19 июля 2013 г. районный суд отклонил жалобу заявителя на том основании, что его перевод в отдаленное исправительное учреждение не противоречит внутригосударственному законодательству, и что препятствия для визитов членов его семьи не могут служить основанием для его перевода в аналогичное исправительное учреждение, расположенное в его регионе. Заявитель обжаловал данное решение. 22 сентября 2014 г. Московский городской суд оставил без изменений решение районного суда на тех же основаниях, отметив, что трехмесячный срок для обжалования приказа ФСИН России истек.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

49. Пункт 1 статьи 33 Федерального закона № 103-ФЗ от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает отдельное содержание под стражей заключенных с учетом таких критериев, как пол, возраст (несовершеннолетние и взрослые), наличие судимости (впервые привлекаемые к уголовной ответственности, и лица, ранее содержавшиеся в местах лишения свободы), стадия уголовного судопроизводства (до или после осуждения) и уголовное дело (подозреваемые и обвиняемые по одному уголовному делу). Пункт 2 статьи 33 предусматривает, что лица, подозреваемые в убийстве, грабеже, бандитизме и других тяжких преступлениях, должны содержаться отдельно от других задержанных.

50. Согласно статье 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — «УИК РФ») осужденные к лишению свободы лица отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Исключения из данного правила возможны только по состоянию здоровья или в целях обеспечения безопасности осужденных, или по их просьбе. Однако часть 2 статьи 73 предусматривает, что при отсутствии в субъекте Российской Федерации исправительного учреждения соответствующего вида или невозможности размещения осужденных в имеющихся исправительных учреждениях осужденные направляются в другие исправительные учреждения, расположенные на территории данного субъекта либо, в исключительных случаях, в исправительные учреждения, расположенные на территории другого субъекта Российской Федерации. Часть 4 статьи 73 предусматривает, среди прочего, что лица, осужденные к лишению свободы за совершение определенных тяжких преступлений, в том числе бандитизм (статья 209 Уголовного кодекса Российской Федерации), направляются для отбывания наказания в исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

51. Согласно части 1 статьи 81 УИК РФ осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одном исправительном учреждении, если судом не изменен вид исправительного учреждения. Часть 2 статьи 81 предусматривает, что перевод осужденного из одного исправительного учреждения в другое допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных

обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении.

52. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 16 декабря 2010 г. № 1716-О-О, признав неприемлемой жалобу несоответствие части 4 статьи 73 УИК РФ Конституции Российской Федерации, указал следующее:

«Часть 4 статьи 73 УИК РФ направлена на индивидуализацию наказания и дифференциацию условий его отбывания с учетом характера преступления и его опасности ... Таким образом, она создает предпосылки для достижения целей наказания, которыми согласно статье 43 Уголовного кодекса Российской Федерации являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений».

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

53. С учетом схожести жалоб в плане фактов и некоторых поднятых в них вопросов Суд решает объединить их и рассмотреть их совместно в рамках одного постановления.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОБРАЩЕНИЕМ С ЗАЯВИТЕЛЯМИ ВО ВРЕМЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В МИЛИЦИИ

54. Заявители жаловались на то, что они были подвергнуты пыткам во время содержания под стражей в милиции, и что по их жалобам не было проведено эффективного расследования. Они ссылались на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

55. Власти оспорили данные утверждения.

A. Приемлемость жалобы

56. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

57. Суд отмечает, что после одного дня содержания под стражей в милиции у заявителей появились ссадины и кровоподтеки, которые были зафиксированы судебно-медицинским экспертом (у обоих заявителей см. пункты 10-18 выше), следственными изоляторами и медицинскими учреждениями (у первого заявителя см. пункты 8-9 выше). Эксперт установила, что зафиксированные ею телесные повреждения (а также телесные повреждения первого заявителя, зафиксированные в СИЗО-1) могли быть нанесены твердым тупым предметом во время пребывания заявителей под стражей в милиции. Травмы на запястьях первого заявителя могли быть причинены в результате сдавливания наручниками. Согласно свидетельским показаниям, у первого заявителя не имелось телесных повреждений до его задержания, а на следующий день у него появились телесные повреждения; один из свидетелей видел, как ему нанесли удар, когда сотрудники милиции надели на него наручники и положили на пол в одном из кабинетов здания УБОПа; свидетель также слышал крики в здании УБОПа (см. пункты 21 и 34 выше). В официальных документах, в частности в протоколах задержания заявителей, нет никаких указаний на то, что на момент задержания у заявителей имелись какие-либо телесные повреждения. Следует также отметить, что оба заявителя, другие участники производства по их уголовному делу и еще один задержанный дали схожие показания о насилии со стороны сотрудников полиции УБОПа, назвав при этом одних и тех же сотрудников милиции (см. пункт 34 выше).

58. Суд также отмечает, что заявители, которые предположительно подвергались воздействию электрического тока при помощи проводов, прикрепленных к различным частям их тел, включая уши и гениталии (см. описание в пунктах 6 и 23 выше), среди прочих телесных повреждений имели небольшие ссадины на запястьях, а также на правом бедре и голени (первый заявитель) и левой голени (второй заявитель) (см. пункты 8, 9, 11 и 14 выше, сравните с постановлением Суда от 24 июля 2014 г. по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 33, 34, 36, 37, 39, 40 и 41 касательно утверждений о поражении электрическим током). Суд не упускает из виду тот факт, что освидетельствование заявителей судебно-медицинским экспертом было проведено в присутствии одного из сотрудников милиции, который предположительно подвергал их насилию. Это вызывает сомнение в том, что освидетельствование заявителей было полноценным и точным (по словам второго заявителя, он не был осмотрен полностью раздетым, см. пункт 13 выше), и объясняет, почему заявители не могли свободно описать эксперту жестокое обращение со стороны сотрудников

милиции. Несмотря на то, что первый заявитель сообщил о предполагаемом применении электрического тока сотрудниками милиции в марте 2007 г., следственный орган получил соответствующее заключение судебно-медицинской экспертизы только через три года и одиннадцать месяцев. Согласно этому заключению, эксперт не считал возможным дать заключение о том, могли ли травмы первого заявителя быть вызваны контактом с токонесущим проводником, как об этом утверждал заявитель (см. пункт 18 выше). В отношении аналогичных утверждений второго заявителя судебно-медицинская экспертиза не проводилась. Вместо этого следственный орган сослался на телефонный разговор с экспертом, который опроверг утверждения второго заявителя (см. пункт 24 выше).

59. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что телесные повреждения заявителей могли возникнуть в результате насилия, которому заявители предположительно подверглись, находясь под контролем сотрудников милиции. Указанных выше факторов достаточно для возникновения презумпции в пользу версии, изложенной заявителями, и для того, чтобы убедить Суд в том, что их утверждения о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции заслуживают доверия.

60. Суд также отмечает, что согласованные утверждения заявителей о том, что они получили телесные повреждения в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, были отклонены следственными органами как необоснованные на том основании, что сотрудники милиции С. и Г. и следователь М. отрицали факт жестокого обращения с заявителями. В своих выводах следователи опирались на результаты предварительной проверки, которая российскому законодательству является первым этапом рассмотрения заявления о преступлении и, как правило, она должна сопровождаться возбуждением уголовного дела и проведением расследования, если собранная информация указывает на наличие состава преступления (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ляпин против России», пункт 129). Постановления следователей об отказе в возбуждении уголовного дела были отменены следственными органами как необоснованные, и много раз выносились распоряжения о проведении дополнительной проверки. Внутригосударственные суды поддерживали отказы в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии были отменены следственными органами, поскольку они были основаны на результатах неполных проверок.

61. Суд напоминает, что само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 УПК РФ является недостаточным в случае несоблюдения органами государственной власти требования о проведении эффективного расследования по

заслуживающим внимание жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции в соответствии со статьей 3 Конвенции. Органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование путем выполнения всего комплекса следственных действий (там же, пункты 129 и 132-136).

62. Суд не видит оснований для иного вывода в рамках настоящего дела, в котором имеются правдоподобные утверждения об обращении, запрещенном статьей 3. Суд считает, что Власти не провели эффективного расследования по утверждениям заявителей о насилии со стороны сотрудников милиции. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

63. Учитывая, что объяснения Властей, отрицающие правдоподобные утверждения заявителей о насилии со стороны сотрудников милиции, были основаны на результатах поверхностных внутригосударственных проверок, не отвечающих требованиям статьи 3 Конвенции, Суд считает, что они не могут считаться удовлетворительными или убедительными. Суд считает, что Власти не смогли снять с себя бремя доказывания и представить доказательства, способные поставить под сомнение изложенную заявителями версию событий, которую Суд считает установленной (см. постановление Суда от 2 мая 2017 г. по делу «Олисов и другие против России» (*Olisov and Others v. Russia*), жалоба № 10825/09 и 2 другие жалобы, пункты 83-85, постановление Суда от 12 декабря 2017 г. по делу «Ксенц и другие против России» (*Ksenz and Others v. Russia*), жалоба № 45044/06 и 5 других жалоб, пункты 102-04).

64. Принимая во внимание насилие, которому подверглись заявители со стороны сотрудников милиции, включая применение наручников, удары электрическим током и дерганье за наручники с целью причинения боли с тем, чтобы получить признание в совершении преступлений, Европейский Суд считает, что такое обращение было равносильно пыткам (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ляпин против России», пункты 116-121). Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 в ее материальном аспекте.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

65. Заявители жаловались на то, что власти не провели эффективного расследования по заявлениям о предполагаемом жестоком обращении во время содержания под стражей в милиции в нарушение статьи 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в

государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

66. Власти оспорили данный довод.

67. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами на нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции и поэтому также должна быть признана приемлемой.

68. Учитывая вывод о нарушении процессуального аспекта статьи 3 Конвенции ввиду отсутствия эффективного расследования со стороны государства-ответчика (см. пункт 62 выше), Суд считает, что необходимость в отдельном рассмотрении данной жалобы с точки зрения статьи 13 отсутствует (см. упоминаемое выше постановление по делу «Олисов и другие против России», пункт 92).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 В СВЯЗИ С ОДИНОЧНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

69. Первый заявитель жаловался на то, что его одиночное заключение в период с 20 мая 2009 г. по 20 мая 2012 г. представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции.

70. По словам властей, заявитель содержался в одиночном заключении в СИЗО-3 Воронежской области в периоды с 20 мая 2009 г. по 3 июня 2009 г., с 10 июня 2009 г. по 22 июля 2009 г. и с 12 августа 2009 г. по 20 мая 2012 г. Власти утверждали, что решение начальника СИЗО-3 от 20 мая 2009 г. о помещении заявителя в одиночную камеру было принято из-за отсутствия заключенных, которые могли содержаться под стражей вместе с заявителем в соответствии со статьей 33 Закона «О предварительном содержании под стражей» о раздельном содержании заключенных. В соответствии с пунктом 2 статьи 32 Закона, это решение не требовало одобрения прокурора, поскольку в противном случае невозможно было обеспечить раздельное содержание заключенных. Власти утверждали, что заявитель проходил сеансы «индивидуальных консультаций и психокоррекционной работы».

71. Заявитель утверждал, что не получил объяснений относительно того, почему его перевели из СИЗО-1 (где он содержался вместе с другими заключенными и не нарушал никаких правил) в СИЗО-3 и поместили в одиночную камеру. Он отметил, что одиночное заключение использовалось в качестве наказания за дисциплинарные нарушения и что таким образом он был наказан на неопределенный срок за нарушение, которого он никогда не совершал. При поступлении в СИЗО-3 у него конфисковали личный телевизор, а газет, которые ему выдавали, было очень мало. Его жалобы в прокуратуру и суд первой инстанции на условия его содержания под

стражей были безрезультатными. По словам заявителя, мониторинг его физического и душевного состояния с целью обеспечения соответствия таких состояний продолжению одиночного заключения, не проводился.

А. Приемлемость жалобы

72. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

73. Принимая во внимание представленные Властями справки, выданные Федеральной службой исполнения наказаний (см. пункт 38 выше), Суд считает, что первый заявитель содержался в одиночном заключении в следственном изоляторе СИЗО-3 Воронежской области в течение трех лет — с 20 мая 2009 г. по 20 мая 2012 г. В 2009 году у него было четыре свидания с членами его семьи, в 2010 году семейные свидания проводились один раз в месяц (за исключением октября, когда свиданий не было, и декабря, когда у него было два свидания), в 2012 году — семь свиданий с членами семьи, а в 2011 году — два свидания. У него не было телевизора, и ему выдавалось очень мало газет.

74. Власти не смогли доказать, что решение о помещении первого заявителя в одиночную камеру сопровождалось процессуальными гарантиями, обеспечивавшими благополучие заявителя, и соразмерность меры с учетом ее суровости. Не было доказано, что власти оценили обстоятельства, ситуацию и поведение первого заявителя, а также другие соответствующие факторы, прежде чем поместить его в одиночную камеру, что они привели достаточные причины в поддержку своего решения, и что у них имелись подлинные основания для продления срока одиночного заключения заявителя до трех лет и с течением времени приводили все более подробные и веские причины (см. постановление Суда от 29 октября 2015 г. по делу «А.Л. (X.W.) против России» (*A.L. (X.W.) v. Russia*), жалоба № 44095/14, пункт 76). Что касается объяснения Властей о том, что иным образом было невозможно обеспечить соблюдение положений Закона «О предварительном заключении», касающихся раздельного содержания заключенных, то оно не подтверждается никакими доказательствами. Даже если допустить, что это было так, одно лишь

это обстоятельство не может оправдывать одиночное заключение заявителя.

75. Кроме того, в журналах «индивидуальных консультаций и психокоррекционной работы» нет указаний на то, что физическое и психическое состояние заявителя оценивалось с целью определения возможности для его дальнейшего одиночного заключения (см. постановление Большой Палаты по делу «Рамирес Санчес против Франции» (*Ramirez Sanchez v. France*), жалоба № 59450/00, пункт 139, ECHR 2006-IX). Принимая во внимание также отсутствие каких-либо медицинских отчетов об оценке состояния заявителя, Суд полагает, что Власти не смогли доказать, что регулярный мониторинг физического и душевного состояния заявителя действительно проводился.

76. Таким образом, Суд считает, что одиночное заключение первого заявителя в течение трех лет в СИЗО-3 г. Воронежа представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

77. Заявители жаловались на то, что их предварительное заключение было чрезмерно длительным и не имело под собой значительных и достаточных оснований. Они ссылались на пункт 3 статьи 5 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть осуществлено предоставлением гарантий явки в суд...»

78. Власти утверждали, что суды привели достаточные основания для содержания заявителей под стражей и что существовал высокий риск побега, повторного совершения преступления и воспрепятствования отправлению правосудия со стороны заявителей, которым первоначально были предъявлены обвинения в убийстве, а затем в большом количестве грабежей, краж и других преступлений, совершенных организованной группой.

A. Приемлемость жалобы

79. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо иным

основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

80. Суд отмечает, что период, который следует принимать во внимание, длился с даты задержания заявителей 19 марта 2007 г. до даты их осуждения 29 декабря 2010 г., и в отношении первого заявителя он также длился с 23 августа 2011 г., когда постановление в его отношении было отменено, до даты его осуждения 17 октября 2011 г. (см. постановление Суда от 16 января 2007 г. по делу «Солмаз против Турции» (*Solmaz v. Turkey*), жалоба № 27561/02, пункты 23-24 и 34). Таким образом, этот период длился около трех лет и одиннадцати месяцев в отношении первого заявителя и трех лет и девяти месяцев в отношении второго заявителя.

81. Суд уже во многих случаях рассматривал жалобы против России, в которых делались аналогичные утверждения о нарушении пункта 3 статьи 5 Конвенции, и устанавливал нарушение этой статьи по причине того, что внутригосударственные суды продлевали срок содержания заявителя под стражей, опираясь, главным образом, на тяжесть предъявленных обвинений и используя стереотипные формулировки, без рассмотрения индивидуальной ситуации заявителя или возможности избрания альтернативных мер пресечения (см., в числе множества прочих источников, постановление Суда от 1 июня 2006 г. по делу «Мамедова против России» (*Mamedova v. Russia*), жалоба № 7064/05; постановление Европейского от 24 мая 2007 г. по делу «Пшевечерский против России» (*Pshevecherskiy v. Russia*), жалоба № 28957/02; постановление Суда от 12 марта 2009 г. по делу «Александр Макаров против России» (*Aleksandr Makarov v. Russia*), жалоба № 15217/07; постановление Суда от 22 декабря 2009 г. по делу «Макаренко против России» (*Makarenko v. Russia*), жалоба № 5962/03; постановление Суда от 11 октября 2011 г. по делу «Романова против России» (*Romanova v. Russia*), жалоба № 23215/02; и постановление Суда от 24 января 2012 г. по делу «Валерий Самойлов против России» (*Valeriy Samoylov v. Russia*), жалоба № 57541/09). В той мере, в какой внутригосударственные суды в настоящем деле ссылались в некоторых постановлениях о продлении срока содержания заявителей под стражей на потерпевших и обвиняемых, якобы опасющихся мести со стороны заявителей, то они делали это, не проверив факты, не установив наличие и обоснованность причин для этих страхов. Ссылаясь на угрозу того, что заявители окажут давление на присяжных, суды не указали на какие-либо конкретные факты (см. постановление Суда от 24 июля 2012 г. по делу «Михаил Гришин

против России» (*Mikhail Grishin v. Russia*), жалоба № 14807/08, пункты 147-154).

82. Власти не привели ни одного факта или аргумента, способного убедить Суд прийти в настоящем деле к иному выводу, нежели в вышеупомянутых делах. Таким образом, Суд считает, что, не оценив конкретные факты или не рассмотрев возможность применения альтернативных мер пресечения, власти продлевали срок содержания заявителей под стражей по основаниям, которые не могут считаться «достаточными». В данных обстоятельствах нет необходимости рассматривать вопрос о том, было ли судебное разбирательство проведено с «особой тщательностью».

83. Таким образом, в отношении обоих заявителей было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

84. Первый заявитель жаловался на то, что слушание, проведенное 14 сентября 2007 г. по вопросу о продлении срока его содержания под стражей, было проведено в его отсутствие, и что его жалоба на постановление о заключении под стражу от 11 июня 2008 г. была рассмотрена 11 сентября 2008 г. и поэтому не была рассмотрена безотлагательно. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным»

85. Власти утверждали, что присутствие адвоката заявителя на судебном заседании, проведенном 14 сентября 2007 г., и на слушании дела в апелляционной инстанции 11 октября 2007 г. обеспечило соответствие разбирательства требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции. Власти признали, что жалоба заявителя на постановление о заключении под стражу от 11 июня 2008 г. не была рассмотрена безотлагательно.

86. Первый заявитель утверждал, что 14 сентября 2007 г., после того, как он получил медицинскую помощь и ему было отказано в госпитализации, он остался в здании суда и хотел участвовать в судебном заседании. Суд, однако, не заслушал его, прежде чем принять решение о продолжении слушания.

А. Приемлемость жалобы

87. Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

Б. Существо жалоб

88. Отметив, что адвокат первого заявителя присутствовал на слушании дела в порядке апелляционного производства 11 октября 2007 г., и даже допуская, что он присутствовал на слушании 14 сентября 2007 г., Суд не убежден доводом Властей о том, что разбирательство отвечало требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции. Остается неясным, почему, после того, как первому заявителю было отказано в госпитализации, он остался в здании суда, а его адвокат возражал против проведения слушания в его отсутствие, Ленинский районный суд не заслушал заявителя при принятии решения о продолжении слушания в его отсутствие по причине «состояния его здоровья». При отсутствии каких-либо оснований такое решение представляется произвольным. Суд также отмечает, что при принятии решения о продлении срока содержания заявителя под стражей районный суд принял во внимание особенности его характера (как было отмечено Воронежским областным судом, см. пункт 29 выше), хотя неясно, как такая оценка могла быть надлежащим образом проведена в отсутствие заявителя.

89. С учетом вышеизложенного Суд не убежден в том, что разбирательство было состязательным, и был соблюден принцип равноправия сторон (см. постановление Суда от 10 октября 2000 г. по делу «Граужинис против Литвы» (*Graužinis v. Lithuania*), жалоба № 37975/97, пункт 31; и упоминаемое выше постановление по делу «Мамедова против России», пункт 89).

90. Суд также отмечает, что Верховному Суду Российской Федерации потребовалось три месяца и один день для рассмотрения жалобы заявителя на постановление Воронежского областного суда о продлении срока содержания под стражей от 11 июня 2008 г., и что власти признали, что это рассмотрение не было «безотлагательным». Суд считает, что апелляционное производство по вопросу о правомерности предварительного заключения заявителя не может считаться соответствующим требованию о «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Суда от 22 мая 2012 г. по делу «Идалов против России» (*Idalov v. Russia*), жалоба № 5826/03, пункты 154-158).

91. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении первого заявителя в связи с его отсутствием на слушаниях по вопросу о продлении срока его предварительного заключения в Ленинском районном суде 14 сентября 2007 г., а также в связи невыполнением Верховным Судом Российской Федерации требования о безотлагательном рассмотрении законности содержания под стражей.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

92. Первый заявитель жаловался на то, что его отправили для отбывания наказания в учреждение, расположенное более чем в 8 000 км от места проживания его престарелой матери-инвалида, жены и двух детей. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая в части, применимой к настоящему делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны государственного органа власти в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

93. Власти утверждали, что перевод первого заявителя в исправительное учреждение, находящееся за пределами места его жительства был законным и разумным. Они утверждали, что первый заявитель был активным приверженцем воровских законов и, таким образом, мог оказывать дестабилизирующее воздействие на меры безопасности и убеждать других осужденных и задержанных нарушать режим тюремного заключения, создавать конфликтные ситуации и совершать противоправные действия. Они также утверждали, что в части 2 статьи 81 УИК РФ не указаны обстоятельства, которые препятствовали бы дальнейшему содержанию первого заявителя под стражей в исправительном учреждении в Хабаровском крае. Власти утверждали, что первый заявитель мог поддерживать семейные отношения, используя свое право на свидания и пользуясь почтой.

94. Первый заявитель не согласился с Властями. Он заявил, что члены его семьи не смогли навещать его в Хабаровском крае и что он не разговаривал с ними по телефону. Он утверждал, что власти проигнорировали его личные обстоятельства, такие как низкий уровень дохода, плохое состояние здоровья членов его семьи и практические трудности с телефонными звонками из-за семичасовой разницы во времени между Воронежем и Хабаровским краем.

А. Приемлемость жалобы

95. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалоб

96. Первый заявитель был отправлен для отбывания наказания в учреждение, расположенное более чем в 8 000 км от места жительства его семьи. Суд считает, что это являлось вмешательством в его право на уважение семейной жизни (см. постановление Суда от 7 марта 2017 г. по делу «Полякова и другие против России» (*Polyakova and Others v. Russia*), жалоба № 35090/09 и 3 другие жалобы, пункты 80-82).

97. Оспариваемое вмешательство было основано на части 4 статьи 73 УИК РФ (см. пункт 50 выше), который предусматривал автоматическое исключение из общего правила распределения в отношении конкретной категории заключенных (в частности, осужденных за бандитизм в соответствии со статьей 209 Уголовного кодекса Российской Федерации), поскольку она уполномочивает ФСИН России свободно распределять лиц, принадлежащих к этой категории, в пенитенциарные учреждения, расположенные в любой точке России, независимо от места их проживания или осуждения (см. упоминаемое выше постановление по делу «Полякова и другие против России», пункты 48 и 97). Внутригосударственные суды либо просто ссылались на часть 4 статьи 73 УИК РФ, либо отклоняли доводы первого заявителя относительно неблагоприятного воздействия лишения свободы в отдаленном исправительном учреждении на его семейные связи как не имеющие отношения к делу (см. пункты 44, 46 и 48 выше), не обеспечив тем самым баланс, чтобы проверить пропорциональность оспариваемого вмешательства с учетом критериев, установленных прецедентной практикой Суда в отношении статьи 8 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Полякова и другие против России», пункты 108-115).

98. Ранее Суд уже установил, что российская правовая система не обеспечивает надлежащей правовой защиты от возможных злоупотреблений в области географического распределения заключенных. Заявители были лишены минимальной степени защиты, на которую они имели право согласно принципу верховенства права в демократическом обществе (там же, пункт 117). Внутригосударственное законодательство, в частности часть 4 статьи

73 УИК РФ, не отвечает требованию «качества закона», предусмотренному статьей 8 Конвенции (там же, пункт 118).

99. Суд не видит никаких оснований для иного заключения по настоящему делу. Таким образом, вмешательство в право первого заявителя на уважение семейной жизни не было «в соответствии законом» по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Следовательно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

100. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

101. Первый заявитель требовал 133 000 евро, а второй заявитель требовал 90 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Первый заявитель утверждал, в частности, что его психическое состояние ухудшилось в результате нарушения его конвенционных прав. Он представил письмо из исправительного учреждения ИК-8 Хабаровского края от 4 марта 2015 г. о том, что в 2014 году психиатр поставил ему диагноз «расстройство адаптации и назначил лечение».

102. Власти утверждали, что присуждаемую сумму компенсации следует рассчитывать в соответствии с прецедентной практикой Суда.

103. Принимая во внимание установленные в настоящем деле нарушения Конвенции и проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает первому заявителю 60 000 евро и второму заявителю 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым могут облагаться эти суммы.

Б. Расходы и издержки

104. Первый заявитель также требовал 9 487 евро, а второй заявитель требовал 8 519 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ими в ходе разбирательства в Европейском Суде.

105. Власти утверждали, что присуждаемую сумму компенсации следует рассчитывать в соответствии с прецедентной практикой Суда.

106. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и собственную прецедентную практику, Суд считает

целесообразным присудить первому заявителю 4 520 евро, то есть сумму в 5 000 евро, за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы за его юридическое представительство в Суде А. Бузуновым и 370 евро в качестве возмещения административных, почтовых расходов и расходов на перевод; и 3 007 евро второму заявителю, то есть 645 евро за его юридическое представительство в Суде Чернушкиным, 3000 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, за его юридическое представительство в Суде А. Бузуновым и 212 евро в качестве возмещения почтовых расходов и расходов на перевод.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

107. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *признал* приемлемыми жалобы заявителей на предполагаемое насилие, которому они подверглись со стороны сотрудников милиции, непроведение властями эффективного расследования по их жалобам и на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в этом отношении, а также на длительность предварительного заключения заявителей, а также о жалобах первого заявителя на его одиночное заключение, судебный пересмотр законности его предварительного заключения и на его перевод в отдаленное исправительное учреждение для отбывания наказания в виде лишения свободы;
3. *постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в связи с тем, что заявители подверглись пыткам во время содержания под стражей в милиции, и нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с непроведением властями эффективного расследования по жалобам заявителей;

4. *постановил*, что отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении жалобы заявителей на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования по их жалобам о насилии со стороны сотрудников милиции;
5. *постановил*, что было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с одиночным заключением первого заявителя;
6. *постановил*, что в отношении обоих заявителей было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
7. *постановил*, что было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении первого заявителя в связи с его отсутствием на слушании, проведенном 14 сентября 2007 г., и в связи с продолжительностью апелляционного производства в отношении постановления о заключении под стражу от 11 июня 2008 г.;
8. *постановил*, что в отношении первого заявителя было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
9. *постановил*
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителю указанные ниже суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 60 000 (шестьдесят тысяч) евро Быковцеву в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (ii) 50 000 (пятьдесят тысяч) евро Прачеву в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (iii) 4 520 (четыре тысячи пятьсот двадцать) евро Быковцеву, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения расходов и издержек; и
 - (iv) 3 007 (три тысячи семь) евро Прачеву, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;

10. *Отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление в письменной форме направлено 21 мая 2019 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араци
Заместитель Секретаря Суда

Алина Полачкова
Председатель